

Александринский театр. Щепкин на петербургской сцене. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://belinskiyvissarion.ru/> Приятного чтения!

Александринский театр. Щепкин на петербургской сцене. В. Г. Белинский
На прошлой неделе, когда дилетанты приходили в восторг от «Отелло», исполняемого на Большом театре, – в Александринском, в последний день октября, в бенефис Г. Каратыгина 2-го, публика прощалась с знаменитым московским артистом Щепкиным, которого она успела полюбить так горячо в короткий срок пребывания его в Петербурге. И как прощалась она?.. Надобно было присутствовать при этом, чтоб видеть торжество гениального артиста и умиленное выражение привязанности к нему публики. Еще в начале спектакля, в возобновленной пьесе «Ссора, или Два соседа» [1], публика приняла Щепкина, превосходно выполнившего роль Вспышкина, с необыкновенным радушием и восторгом; но когда наконец в последний раз поднялся занавес и начались сцены из «Наталки-Полтавки», восторг публики доходил до высочайшей степени... Каждый романс публика заставляла Щепкина повторить несколько раз. Когда же все, что заключалось в этих сценах, выбранных нарочно для Щепкина, было пропето и повторено и занавес должен был опуститься, Щепкин, тронутый и взволнованный, как бы поняв грустное чувство публики, задержал еще на мгновение минуту расставанья и запел эти восхитительные по своей простоте и грации куплеты из пьесы «Москаль-чарывник», которыми в течение своего пребывания в Петербурге постоянно приводил в восторг публику... Невозможно описать восторга благодарных зрителей. Едва только Щепкин окончил последний куплет, как громкие рукоплескания и восклицания: «браво! фора! bis!» загремели со всех сторон, и потом вдруг все смолкло, и в театре сделалось так тихо, что можно было слышать малейший звук. Щепкин снова пропел этот романс – и опять театр загремел рукоплесканиями и криками «браво» и «фора»! И опять ему должно было петь. По окончании романса в третий раз рукоплескания и крики одобрения не умолкали по крайней мере в течение пяти минут. Оглушительным был восторженный крик этой тронутой и взволнованной массы, наполнявшей театр сверху дониза. Наконец занавес опустился; начались вызовы. Надобно было не быть в театре в этот вечер, чтоб не умилиться до глубины души сценою, которую мы сейчас опишем. Семь раз опускался занавес и семь раз поднимался снова; семь раз уходил и снова являлся тронутый артист перед публикою, встречаемый и сопровождаемый громкими криками и рукоплесканиями. Вся публика встала с своих мест, но никто не думал идти из театра: каждому хотелось хоть сколько-нибудь воздать гениальному артисту за наслаждения, которые он щедро расточал зрителям; каждому жаль было, что, быть может, долго уже не придется увидеть Щепкина на петербургской сцене, и каждому хотелось хоть на секунду остановить время расставанья. Но нельзя же было вызывать до утра: сцена вызовов уже и так продлилась за полчаса; надобно было кончить, дать отдых собственным рукам, собственным чувствам, дать отдых артисту, которого все это не могло порядочно не измучить, потому что сильное торжество так же утомляет, как и сильное горе.

Торжество Щепкина было таково, какие редки вообще, еще более редки в сфере русского драматического искусства, и тем более оно замечательно, что было вполне заслуженное. Щепкин своим пребыванием в Петербурге сделал решительный переворот на русской сцене. Посещение его будет долго памятно, потому что бросило семена, которые не могут не принести плодов. Одно уже то, что Щепкин, слухами о своем необыкновенном искусстве и дарованиях, которые блистательно оправдывались на деле, заставил посещать Александринский театр тех, которые давно уже не посещали его, – чего-нибудь да стоит. Сверх того, Щепкин произвел благодетельное влияние вообще на публику Александринского театра, приблизив ее к настоящему понятию о том, что такое драматическое искусство и что такое истинный актер. А публика Александринского театра, должно признаться, – была далека от истинного понятия о таких вещах. В понятии ее существовали и существуют доньше два рода артистов – трагические и комические. Поэтому при появлении на сцене Г. Каратыгина 1-го она считает непременно своею обязанностью – приходиться в ужас и восторгаться; при появлении Г-на Мартынова, напротив, она непременно готовится хохотать, потому что убеждена, что он, как актер, по ее понятиям, комический, должен смешить. И долго бы еще оставалась она в этом убеждении, если б Щепкин несколько не поколебал его очень простым образом: при появлении его она не знала, и до сей поры не знает, какой он актер – трагический или комический, ибо он не подходит ни под одну из известных ей мерок. Отчего же так? – Оттого, что, говоря собственно, ни трагических, ни комических актеров в природе нет и быть не может, как нет и быть не может людей с одним патетическим элементом в характере, без примеси чего-нибудь смешного, и наоборот. Отсюда, следовательно, не может быть (мы говорим о новейшей драме, изображающей действительность, как она есть) и ролей ни трагических, ни комических по преимуществу. Истинный актер изображает характер, страсть, развиваемую автором, и чем вернее, полнее передаст он ее,

Александринский театр. Щепкин на петербургской сцене. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
какова бы она ни была, возвышенная или низкая, тем более он истинный актер. Если вы согласились в том, что я сейчас сказал, то нетрудно вам будет согласиться, что и разделение театральных пьес на трагедии и комедии, в том смысле, как вы его понимаете, ложно. «Ревизор» Гоголя столько же трагедия, сколько и комедия. Что чувствуете вы, когда в последнем акте торжествующий городничий «распекает» купцов и еще прежде в бешеном восторге говорит эти слова: «Ведь почему хочется быть генералом? – Потому что, случится, поедешь куда-нибудь, фельдъегери и адъютанты поскачут везде вперед: лошадей! И там на станциях никому не дадут, все дожидается: все эти титулярные, капитаны, городничие, а ты себе и в ус не дуешь, обедаешь где-нибудь у губернатора, и там: стой, городничий! Ха! ха! ха! Вот что, канальство, заманчиво!» – что вы чувствуете при этих словах, – охоту ли смеяться, или вам становится страшно?.. Что до меня, эти слова всегда наводят на меня ужас. В этих словах и вообще во всем пятом акте, до появления почтмейстера с письмом, высказывается весь городничий: вы видите, что, по понятию его, быть генералом – значит чваниться и павлиничаться перед низшими и видеть перед собою их унижение, и проч. и проч... Представьте же себе такого человека действительно генералом... захочется ли вам смеяться?.. В сценах, на которые мы указали, высказывается торжество грубой животной природы, страсть доходит до бешено-исступленного выражения...[2] На основании всего этого мы думаем, что такую роль, как роль городничего, мог бы взять на себя даже г. Каратыгин 1-й (как ни странно покажутся слова нашей публике Александринского театра); мы убеждены, что если не теперь, – когда он уже привык к так называемой трагической форме, то несколько лет прежде эта роль не была бы несколько вне средств его, за что ручается нам его дарование... С точки зрения, которую мы старались показать, Щепкин – актер более всех других русских актеров. Он совершенно сбил с толку обычных посетителей Александринского театра (которые, впрочем, в те спектакли, когда играл Щепкин, составляли только часть публики), появляясь перед ними то в роли матроса (в пьесе того же имени)[3], где от игры его невозможно не плакать, то в роли городничего (в «Ревизоре»), где от некоторых сцен становится страшно, то в небольших и разнообразных ролях нескольких новых и возобновленных пьес, где доводилось ему и смешить и трогать. Еще в заслугу, и немаловажную, ставим мы Щепкину то, что он умел помирить александринскую публику с пьесами Гоголя и показать ей, что эти пьесы совсем не хуже «Войны Хавроньи Сидоровны с китайцами», «История о том, как Васильи Васильичи и Петры Кузьмичи надувают Варахасия Псоича», «Магометова рая» и всех превосходных пьес, которыми она восхищается[4].

Но вообще самая большая и прекрасная заслуга Щепкина заключается в том, что он в течение полутора месяца доставлял петербургской публике часы истинного наслаждения игрой превосходной и художественной. Мы ограничимся общим указанием на явления, ознаменовавшие пребывание Щепкина в Петербурге, не считая нужным делать подробную оценку ролям, в которых он являлся, каждой поодиночке. Физические средства Щепкина, заставляющие его ограничиваться ролями известного рода, не позволяют ему быть разнообразным столько, сколько разнообразия заключается в его высоком таланте; несмотря на то, его никак нельзя назвать однообразным. Лучшие роли Щепкина из тех, которые играл он в Петербурге в нынешний приезд, следующие: городничего (в «Ревизоре»), Фамусова (в «Горе от ума»), матроса (в пьесе того же имени), Чупруна (в «Москале-чарывннке»), Подслухина (в «Подложном кладе»)[5], Вспышкина (в «Ссоре, или Два соседа»). Сверх того, Щепкин превосходно, по своим средствам, играл в «Женитьбе» Гоголя, в «Игроках» и небольшой сцене «Тяжба», поставленной в его бенефис. Еще являлся он в пьесах: «Школа женщин», «Модная лавка», «Два отца и два купца», «Учитель и ученик, или В чужом пиру похмелье»[6], в сцене из «Наталки-Полтавки», – и везде был принимаем публикою с восторгом, потому что играл так, как редко играют русские актеры и как умеет играть только он...

Если мы скажем, что, кроме высокого таланта, Щепкин отличается еще добросовестным изучением ролей, уважает и любит свое искусство и обладает в высшей степени сценическим тактом, отсутствие которого пагубно для актера, – то нетрудно будет понять причины необыкновенного успеха его на петербургской сцене. А успех этот был поистине необыкновенный. В доказательство огромности его скажем только, что театр во все спектакли, в которых участвовал Щепкин, был постоянно полон, несмотря на то, что иные роли Щепкин играл в пятый и шестой раз, а иные и в тринадцатый, и притом эти спектакли большею частью совпадали с спектаклями итальянской оперы, выше которой Петербург ничего покамест не знает в мире искусства... Когда доведется нам, безвыездным жителям Петербурга, опять увидеть Щепкина? Неужели он не навестит нас, например, в следующую осень, и мы должны будем дожидаться железной дороги, чтоб ехать в Москву смотреть его?.. Если так,

Александрыйский театр. Щепкин на петербургской сцене. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
то нам более ничего не остается, как желать, чтоб поскорее поспела дорога!..

Примечания

Александрыйский театр. Щепкин на петербургской сцене (с. 503–506). Впервые – «Литературная газета», 1844, № 44, 9 ноября, с. 742–744 (ц. р. 8 ноября). Без подписи. Авторство – ПССБ, т. XIII, с. 175–178, 457–458, примеч. 1161.

Этому предшествовала в «Отечественных записках» (№ 11 на 1844 г.; ц. р. 30 октября) заметка, специально посвященная осенним гастролям 1844 г. Щепкина на петербургской сцене, которой заключался очередной обзор «Русский театр в Петербурге». В ней, вслед за перечислением всех ролей, сыгранных здесь Щепкиным, говорилось:

«Прием, оказанный петербургскою публикою знаменитому московскому артисту, был самый блестящий, самый радушный, самый искренний. Кого не наскучит беспрестанно смотреть в старых пьесах и в одних и тех же ролях? Но только однажды при представлении «Ревизора» (кажется, в четвертый раз) публики было в театре менее обыкновенного. Но, кроме этого раза, театр всегда полон, лишь только имя Щепкина стоит на афише. Случалось не раз, что театр почти пуст, но лишь оканчивается пьеса или пьесы, в которых Щепкин не принимает участия, театр вдруг наполняется. Не забудьте при этом, что Щепкин является на сцену большею частию в те дни, когда дается итальянская опера. Замечательнее же всего, что в Александрыйский театр теперь ездит публика всех слоев общества, публика, которая, следовательно, состоит не из одних присяжных посетителей Александринского театра, способных восхищаться каким-нибудь «Раем Магомета». Подобный успех очень понятен: кроме великого таланта, каким владеет Щепкин, его искусная, художественная игра, подкрепляемая умным и добросовестным изучением ролей, в которых он является, не могла не поразить петербургской публики...

В роли городничего (в «Ревизоре») можно видеть только Щепкина, хотя игра его и не везде равно удовлетворительна. Заметно, что в первом акте он слабее, чем в остальных четырех. Первые сцены пятого акта (с женою и с купцами) – торжество таланта Щепкина! В роли Кочкарова (в «Женитьбе») он обнаруживает больше искусства, нежели истинной природы; но тем не менее только его игра в этой роли показала петербургской публике, что за пьеса «Женитьба». – В роли Бурдюкова (в «Тяжбе» Гоголя), у него недостает грубости, медвежьей естественности и даже органа, и, не смотря на то, он удивителен в этой роли! Справедливость требует заметить, что и Г. Мартынов в роли чиновника в «Тяжбе» бесподобен, и мы только тут вполне разгадали, каким огромным талантом обладает этот молодой артист, потому что только художественно созданные и исполненные глубокого смысла роли могут быть пробным камнем таланта. – «Игроки» такая пьеса, которая никак не может иметь успеха на сцене, если в ее исполнении нет величайшей целостности и не все артисты играют равно хорошо. – В роли Фамусова у Щепкина недостает оттенка барства, чтоб его игра была самим совершенством. – Роль матроса в пьесе этого имени – новое торжество таланта Щепкина, и он был в ней удивителен, несмотря на то, что физические средства несколько начинают ему изменять и что он в этой пьесе играет совершенно один. – Рассказ Горлопанова из комедии «Женихи» (Ф. Ф. Иванова) показывает, до какой степени разнообразен талант Щепкина. Но если в чем игра его становится полным совершенством – это в роли Чупруна в «Москале-чарывнике» (И. П. Котляревского). Не удивительно, что он сыграл ее тринадцать раз в какие-нибудь полтора месяца. – В «Подложном кладе» (Н. И. Ильина) роль скупца вообще выполняется Щепкиным необыкновенно искусно, но истинно вдохновенных мест у него в этой роли немного.

Вообще появление Щепкина на сцене Александрыйского театра – событие, весьма важное и в области искусства, и в сфере общественного понятия об искусстве: благодаря приезду его в Петербург здесь многие о многом будут думать иначе, нежели как думали прежде...» (Белинский, АН СССР, т. VIII, с. 373–374).

Примечания

1

«Ссора, или Два соседа» – комедия А. А. Шаховского (1821) «Наталка-Полтавка» и «Москаль-чарывник» – пьесы И. П. Котляревского.

2

Такое истолкование роли Городничего в «Ревизоре» и в частности исполнения Щепкиным этой роли в д. V комедии Гоголя сложилось у Белинского значительно раньше. Ср. в статье «Горе от ума... Сочинение А. С. Грибоедова...» – наст. изд., т. 2, с. 225–227 и примеч. 48 к этой статье.

3

См. примеч. 29 к статье «Александрйский театр».

4

«Война Хавроньи (собственно: Федосьи) Сидоровны с китайцами» – см. примеч. 35 к статье «Александрйский театр». «История о том, как Васильи Васильевичи и Петры Кузьмичи надувают Варахасия Псоича» – комедия (1844). «Магометов рай» – собственно «Рай Магомета, или Преобразование гарема» (1844) – водевиль, переделка с французского. См. о нем: Белинский, АН СССР, т. VIII, с. 372.

5

«Подложный клад, или Опасно подслушивать у дверей» – комедия Н. И. Ильина (1805), переделка с французского.

6

«Школа женщин» – комедия Мольера в переводе Н. И. Хмельницкого (1823). «Модная лавка» – комедия И. А. Крылова (1807). «Два отца и два купца» – водевиль, перевод Д. Т. Ленского (1837). «Учитель и ученик, или В чужом пиру похмелье» – водевиль, перевод А. Н. Писарева (1828).

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://belinskiyvissarion.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!